ПРОЛОГ

Болезнь всегда непредсказуема. Чаще всего она врывается в жизнь, когда она (жизнь) кипит и ты не понимаешь, как найти лишние полчаса, чтобы успеть одно-другое-третье... И тут вдруг невесть откуда выскочившая и навалившаяся болезнь твою жизнь резко останавливает и совершенно меняет взгляд на все, в

том числе и на саму жизнь. То, что казалось обязательным, основополагающим, важнейшим, невозможным без твоего участия, спокойно происходит помимо тебя. И твоя жизнь остается твоей, а все остальное случается само по себе, и ты совершенно ни при чем. Это касается не только глобальных явлений типа захода и восхода солнца, а самых что ни на есть конкретных дел. Ты выпал из процесса, а ничего не изменится и не отменится. И наоборот, когда ты снова вернешься (если сможешь), начнется что-то другое, и ты снова почувствуешь себя центром и генератором событий. Быстро позабыв о том, что это иллюзия.

Так случилось, когда я впервые попал в больницу еще студентом. Мне семнадцать лет, живу в сыром ленинградском полуподвале прямо напротив Большого драматического театра на Фонтанке. На еду не хватало. На теплую одежду тоже. Свою нелегкую жизнь я выразил в трагических стихах, начинавшихся словами: «Звенят ботинки по промерзшим лужам, целует ветер подкладку пальто, нет, никому я сейчас не нужен, и знать не хочет меня никто». Чувствовал себя персонажем «Бедных людей» или «Невского проспекта» и на самом деле начал сильно кашлять. При этом приближалась сессия, я готовился к экзаменам. Печатал какие-то мелочи в издательстве «Ленинградская правда». Ставил первый в своей жизни спектакль в студенческом театре Ленинградского университета. Словом, был занят бесконечно. Придя на очередной экзамен, почувствовал, что уж совсем плохо. Посмотрел на двери медпункта, наличие которого всегда было непонятно (зачем и кому он нужен?), и решил зайти. Дежурная врач или медсестра дала градусник. Пока мерил температуру, кашлял, как герои Достоевского. Взглянув на градусник, медсестра сказала: «Никуда не уходи» и вызвала скорую. Не успев опомниться, впервые полетел по Ленинграду в скорой помощи с сиреной. Мне прокололи иглами легкие — откачивали гной. Оказалось: двусторонний плеврит. Все это время я находился практически в полусознании. Все куда-то отплыло: репетиции, публикации, экзамены. Спасло то, что был тогда крепок и молод. Но не это главное. Главное, что ничего не рухнуло, не изменилось, не прекратилось, не исчезло. Я вернулся — и все вернулось. Экзамены сдал, спектакль вышел, заметку опубликовали. Разумеется, и мысли не возникло встать на учет в туберкулезный диспансер, как того требовали врачи. Раз и навсегда забыл о болезнях.

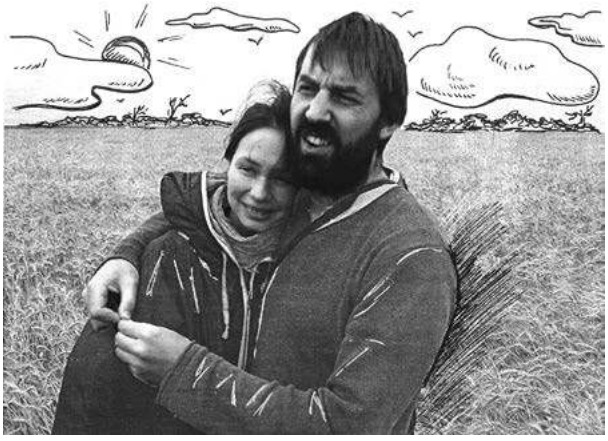
Вторая остановка жизни случилась в Москве в театре имени Станиславского. Нашу режиссерскую коллегию — Анатолий Васильев, Борис Морозов и я — стали разгонять. Начали с меня. Придя в театр, увидел висевший на доске приказ: «Режиссера Райхельгауза И. Л. освободить от занимаемой должности в связи с отсутствием московской прописки». Мы подали в суд на управление культуры, что было немыслимо по тем временам. Тогда же я репетировал со студентами дипломный спектакль «Три сестры». Дел было невпроворот. Во время репетиции почувствовал сильные боли в груди. Не помогли никакие валокордины и валидолы. Снова скорая помощь. С диагнозом «микроинфаркт» меня вынесли на носилках из театра Станиславского, в который я потом не входил более тридцати лет. Вошел, когда этот театр сменил название. И опять вся жизнь остановлена: больница, диагноз, лечение. Зато с тех пор никогда больше не жаловался на сердце. Это была прививка.

Вот и сейчас. Сезон начался замечательно. Выпустил две премьеры в нашем театре. Шла работа над «Талантами и поклонниками» в Санкт-Петербургском «Балтийском доме». Собирался на гастроли в Индию, где мы рассчитывали подтвердить свой успех на прошлогоднем фестивале. Моя режиссерская и актерская мастерские ГИТИСа готовили показ кафедре новых студенческих работ. Писал параллельно несколько книжек, выбирая, какую первой отдать в издательство. Продолжал ежедневные тренировки: плавание, бокс, тренажеры. Насыщенная и наполненная жизнь не предполагала никаких пауз. Но...

ГЛАВА ПЕРВАЯ. УЧЕНИЦЫ ИНБАРА

Где-то в декабре стал сильно кашлять. Вначале казалось, что это реакция на табачный дым, который, вопреки моей отчаянной борьбе с курением, все же бесконечно заполняет жизненное пространство. Потом решил, что простудился, — купил в аптеке леденцы. Кашель усиливался. Наконец, пошел в свою районную поликлинику, к которой «приписана» и «Школа современной пьесы». Попал на прием к главврачу, с которым мы чудесно побеседовали о медицине и искусстве, выпили чаю. Пошел по врачам, которых приглашал почаще бывать в театре. А они мне рекомендовали пореже бывать в поликлинике. Дул в разные трубки, сходил на флюорографию. Выяснилось: с легкими все хорошо. Кашель сразу как рукой сняло. На всякий случай предложили сделать УЗИ — уж раз я в кои-то веки дошел до поликлиники! Узист меня узнал. Начал разбирать и оценивать наши спектакли, которые он с женой часто смотрит. Признался в особенной любви к спектаклю «Дом». Обсудили, как играют Игорь Золотовицкий и Елена Санаева. При этом он не переставал производить некие манипуляции: водил какой-то штукой по животу, продолжая делиться впечатлениями. И вдруг:

— Ой, что это у вас?.. Огромная опухоль... Да... Но как хорошо играл Петренко... как он пел... Слу-



Дочь Маша с мужем Алексеем Трегубовым

шайте... огромная опухоль у вас на печени... Она больше 12 см... А какие у вас ближайшие премьеры? Я слышал...

— Подождите... Какие премьеры?! Что там у меня?

— Не знаю, я подготовлю описание... Надо будет сделать МРТ... Похоже, метастазы...

Почему-то я не придал всему этому значения. Отнесся как доктор, которому в равной степени был интересен спектакль и моя опухоль. Вернее, спектакль гораздо интереснее. Вернулся домой, рассказал обо всем дочке Маше. Маша повезла меня в частную клинику, где заплатила много денег за то, что мне вкатили наркоз, провели исследования и довольно быстро сообщили, что в кишечнике опухоль, скорее всего, злокачественная, размером около 4 см, которая уже дала огромный метастаз на печень — 12,6 см. Я опять не отреагировал, потому что применить к себе подобный диагноз, похожий на смертный приговор, невозможно. А Маша восприняла это сверхсерьезно. Она подняла на ноги всех. Директор нашего театра, Аня Гроголь, сравнимая с неразорвавшейся атомной бомбой, ухитрилась каким-то образом оповестить кого можно и нельзя: друзей, коллег, спонсоров театра. И уже вечером мой близкий, давний и настоящий друг Анатолий Борисович Чубайс в присущем ему стиле приказал немедленно лететь к лучшим врачам — в Германию, Америку, Корею:

— Срочно уточни диагноз, о деньгах не думай.

Я выбрал Израиль. Не успел опомниться, как Гроголь сообщила номер рейса, кто будет встречать в Израиле, какие исследования назначены на ближайшие дни. Приехал муж моей дочери Алексей Трегубов. Не было чемоданов, вещей. Взяв с собой зубную щетку и одну рубашку, вместе с Лешей отправился в аэропорт.

Встретил нас доктор Илья Моерер. Услышав эту фамилию, удивился: «моерер» в переводе с идиш — страх. То есть доктор Страх? Но он оказался обаятельным саратовским евреем, занявшимся в Израиле востребованным бизнесом — медицинским туризмом. Его команда обеспечивает сервис приезжающим пациентам, организует консультации врачей и ведет больного до конца. Предпочтительно, благоприятного. Уже позже, когда мы много беседовали, он рассказал мне, что его прапрадед был учителем в еврейской школе, где-то в южной Польше, а уже дед, попав в 1939 году в СССР, сменил фамилию на менее пугающую.

В свое время я все это проходил с папой, у которого тоже обнаружили онкологию — рак легких. Он лежал на Каширке. Я постоянно туда приходил и подружился с замечательным врачом, продлившим папе жизнь, — Андреем Альбертовичем Мещеряковым. Так получилось, что у него потом лечились и продолжают лечиться многие близкие мне люди. Когда Мещеряков узнал, что я выбрал Израиль, он сильно расстроился, но подтвердил, что есть в Израиле один из лучших мировых онкологов Моше Инбар. Они все время встречаются на различных международных консилиумах, обоих принимают на уровне царственных особ. Андрей сказал, что очень важно попасть именно к нему. И когда Моерер сообщил, что моим врачом будет именно этот Моше, — обрадовался.

Думал, что встречусь с ним в первый же день. Но этого не случилось: профессор очень занят, и меня примет его лучшая ученица.

Утром позвонили и сообщили, что лучшая не сможет встретиться: хамсин (пыльная буря) занесла ее машину. Будет другая ученица, тоже одна из лучших. За час до встречи снова позвонили и снова сообщили, что и этой встречи не будет, поскольку у одной из лучших внезапно умер муж. Поэтому встреча переносится, и прием проведет очень хорошая ученица Моше. В назначенное время доктор Моерер ввел меня в кабинет очень хорошей ученицы великого Моше Инбара.

За столом сидела женщина, которую в Москве можно было бы принять за владелицу косметического салона или администратора дорогого ресторана: хорошо одета, красива провинциальной ретрокрасотой. Мы услышали конец телефонного разговора по-русски: «Зачем мне сейчас шубка? У нас скоро лето». Был декабрь. Очень хорошая ученица Моше мельком на меня взглянула и стала изучать анализы. Цокала языком, глубоко вздыхала. Чем глубже погружалась в историю болезни, тем больше я понимал, что дела мои совсем плохи. Наконец, она оторвалась от бумаг. Не осматривала, не слушала, не мерила давления, пульс. Констатировала:

Илья Моерер

— Случай очень сложный. Четвертая стадия онкологии. Ни в чем не уверена. Был такой больной лет 10 назад — он не выжил. Попробуем...

И повторила:

— Ни в чем не уверена.

А дальше произнесла фразу, которую слышал потом не раз:

— Будем лечить по американскому протоколу.

Оказывается, есть два метода подхода к онкологии: американский и русский (Европа и Израиль тоже применяют американский). Американский таков: как только обнаруживают очаговую опухоль, стараются, исходя из показателей, максимально нейтрализовать ее химиотерапией, потом сделать операцию и удалить опухоль и метастазы. Никаких импровизаций, никакого индивидуального подхода. Это именно протокол: есть диагноз, на который накладывается готовый алгоритм. Врач не нужен — нужны только анализы и точное исполнение протокола.

Русская школа не подчинена протоколам. Она основана на мнении конкретного врача о конкретном пациенте. Чаще всего, как только в России обнаруживают опухоль, ее удаляют, причем нередко вместе с органом, который она поразила. Иногда это дает замечательные результаты. Увы, не всегда.

Очень хорошая ученица Моше писала что-то. Затем сказала:

— Мы будем вас лечить не обычной химией, а биологическим лекарством «платинум». С вас не упадет ни один волосок. Препарат новый. Эффективность проявляется по-разному. Назначаю лечение по протоколу. Подробности расскажут медсестры. Будем надеяться. Но я ни в чем не уверена.

На всякий случай я поинтересовался, примет ли меня доктор Инбар. Она удивилась:

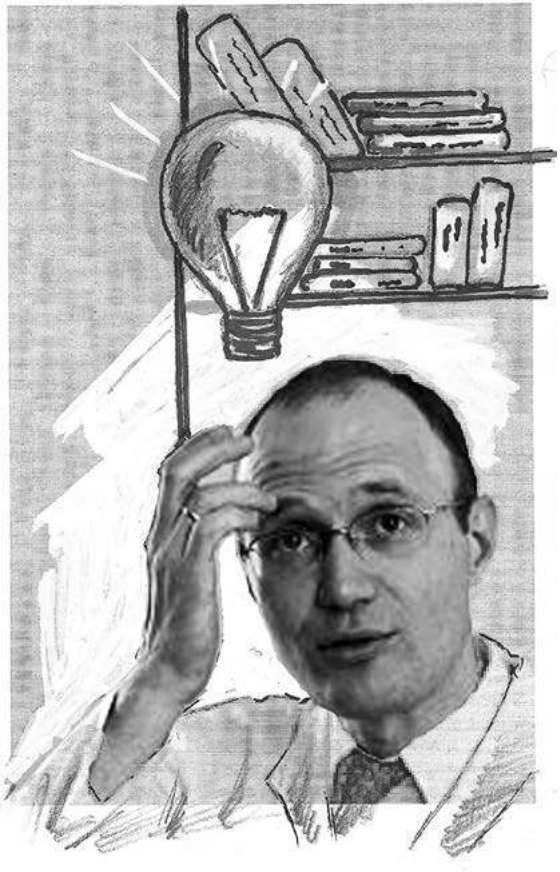
— Зачем? Все пойдет по протоколу.

На следующий день я сдался медсестрам клиники «АССУТА».

ГЛАВА ВТОРАЯ. КЛИНИКА «АССУТА»

Израильская клиника принципиально отличается от российских, как и вся медицина. Поскольку мне приходилось бывать в московском онкоцентре на Каширке, могу сравнить.

Каширка наводит ужас. Глядя на серую многоэтажную махину, всегда понимаешь, что это место смерти. Входишь — и сразу охватывает паника. Слева — гардероб, в котором вечная очередь. Гардеробщицы кричат, что номерки кончились, и надо ждать, когда посетители заберут пальто и освободят места на вешалках. Справа автоматы по выдаче бахил за десять рублей мелочью, которой вечно не найти. Тут же аптека, рядом магазин, где продают парики и накладную грудь. Чтобы попасть из вестибюля в саму клинику, нужно преодолеть шлагбаум и фейсконтроль двух мордоворотов, заточенных на то, чтобы никого никуда не пускать. Больные, род-



Андрей Мещеряков

ственники, врачи толкутся на небольшом пятачке, напоминающем привокзальную остановку в час пик. Человек сразу напуган, сразу хочет от этого места бежать. Хотя мало кто приходит туда по своей воле. Счастье, если есть свой Мещеряков, который повезет тебя в лифте для врачей. Иначе — общая очередь в ожидании никогда не приходящих лифтов, где покорно толпятся люди с перевязками, ранами, дренажами. Жуткие запахи — гноя, плохой пищи, хлорки. Впечатление хаоса, безнадеги и скорой смерти. И чему тут удивляться? Недавно главврач одной из ведущих московских больниц онкологического профиля жаловался, что лечить больных невозможно: нет денег не только на аппаратуру и дорогие импортные лекарства, но и на наши российские аналоги. Такого ничтожного бюджета на медицину не было за всю историю России со времен царизма.

Израильская клиника — Тель-Авивский медицинский центр «АССУТА» — прямая противоположность. Попадаете не в больницу, а в торгово-развлекательный центр. Тоже проходите через охрану, которую не замечаете, хотя она вооружена до зубов. Потому что эта охрана не против вас, а за и для вас. Уже на второй день нового пациента и его родственников узнают и здороваются издалека. Огромное открытое пространство, много зелени, пальм, цветов. Стоит рояль — на нем кто-то иногда играет. Рядом прекрасное кафе для пациентов и гостей. И запахи совсем иные: свежесть, крепкий кофе, ваниль. Книжный магазин, магазин игрушек. Человек, вошедший с улицы, без всякого пропуска, бахил и сопровождения может пройти в любую палату и к любому больному, кроме операционной и реанимации. Даже в реанимацию пропускают круглые сутки. Слово «пропускают» здесь не подходит, потому что вы просто идете, куда вам надо, никого не спрашивая. Везде автоматы с кофе и чаем, питьевая вода, полное впечатление зоны отдыха или санатория.

Проходишь через детское отделение — игровые площадки с горками и качелями, шарики, куклы, машинки, плюшевые мишки, клоуны, аниматоры. Просто детский клуб, а не больница. Идеальная чистота. Хотя никто не заставляет надевать бахилы или сменную обувь.

А главное — уверенность, что тебя здесь ждут и наверняка помогут. В чем я убедился.

Поселились мы с Алексеем в небольшой арендованной квартире. Неделю ездил в «АССУТА», где мне делали самые разнообразные анализы: пропускали через трубы, просвечивали, сканировали все органы внутри. Кажется, не осталось ни одного отверстия в теле, куда бы не проник какой-нибудь прибор или исследовательская трубка.

В конце недели состоялась встреча с хирургом профессором Франклином Грайфом. Моерер представил его как одного из светил израильской медицины. Грайф вызвал полное доверие. Когда я прихожу в магазин или на рынок, смотрю не на товар, а на продавца. И покупаю у того, кому верю. Комментируя диагноз, доктор Грайф меня не обнадеживал, не щадил, и главное — не обманывал. Он демонстрировал на большом экране весь мой внутренний мир и говорил примерно следующее (переводил доктор Моерер — Грайф по-русски не знает ни слова):

— Анализы показывают, что у вас маленькая онкологическая опухоль в кишечнике — примерно 3,5 см. Но эта опухоль уже дала огромный метастаз размером 12,6 см, который покрыл значительную часть печени. Если бы вы пришли несколько лет назад, я бы сказал «Дай Бог этому человеку протянуть еще месяца два». Сегодня есть препараты, которые могут помочь. Сейчас у вас четвертая стадия онкологии. Мы подготовим ваш организм, и я сделаю эту сложнейшую операцию, в ходе которой потребуется удалить более половины печени. Попытаюсь заодно убрать и первичную опухоль — но гарантировать не могу. Операция очень сложная, она будет идти не менее семи-восьми часов. И вы должны знать, что она может быть успешной, а может завершиться летальным исходом. Есть определенный процент пациентов, которые не выдерживают. Когда удаляется правая, большая доля печени, человек может умереть от потери крови.

Алексей, который вместе со мной внимал подробному рассказу профессора, старался вникнуть в каждый нюанс и под конец встречи признал, что доктор Грайф очень убедителен.

И я абсолютно доверился врачу и согласился с предложенным протоколом.

Предстояло пройти три курса биологического лечения, после чего хирург и онколог должны увидеть, как ведут себя опухоли, и только тогда принять решение об операции. Началось так: меня положили на диванчик — очень удобный. Целый день под капельницей, в вену заливают лекарство большими бутылками. После чего глотаю какие-то определенные таблетки. Много. Решил сосчитать — одиннадцать штук. Через неделю — снова капельницы, но уже меньшего объема. Опять семь дней таблетки. И опять — капельница. Неделя — пауза. Такой полный цикл в Тель-Авиве со мной проделали один раз. Следующие три прошли в Москве и Петербурге. Между ними пришлось возвращаться в Израиль для анализов.

При отъезде в Россию получил два набора лекарств в ледяном контейнере. Дома началась обычная жизнь: репетиции в Москве и Петербурге. Каждую неделю либо на Каширке либо в Питере на Песчаном проезде вливались следующие порции. И каждый день та-

блетки. Эти курсы повторялись два раза. После чего в очередной раз в Тель-Авиве провели исследования и анализы. Доктор Грайф радостно сообщил об очень хороших результатах: метастаз уменьшился вчетверо до трех с небольшим сантиметров, первоначальная опухоль скукожилась почти до невидимости. Доктор был доволен.

Очень хорошая ученица Инбара тоже была довольна. И чтобы закрепить успех, решила проделать курс в четвертый раз. Перестраховалась: изменений не случилось. Прошел еще месяц. После очередных анализов назначили операцию.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. В ИЗРАИЛЕ ЛЕЧАТ МЕДСЕСТРЫ

Никогда я подолгу в больницах не лежал: либо один-два дня стационара, либо отдельные процедуры. Единственный раз пробыл неделю в «Кремлевке», над чем уже посмеялся в книжке «Мы попали в "запендю"». Редкие тамошние врачи, заходившие меня морально поддержать, всякий раз сообщали «жизнеутверждающие» факты: прямо под вами — этажом ниже — умер Хрущев, в конце коридора установили, разломав стену, искусственные легкие Андропова, которые его не спасли.

— Ну а вы лежите в палате, где скончался маршал Жуков!

В конце концов, видимо, поняв, что политики и полководцы от меня далеки, доктора радостно сообщили, что в соседней палате справа «вот прямо незадолго до вашего появления лечился тоже народный артист, главный режиссер театра Маяковского Андрей Александрович Гончаров. Здесь же и умер».

В Израиле как-то по-другому.

Сразу создается впечатление, что вся клиника, да и вообще все здравоохранение заняты только тобой. Какой-то человек в элегантном медицинском костюме провел меня мимо красивых стоек с цветами, картинами, предложил чай, кофе, печенье, бутерброды, конфеты. Уточнил: «Все это бесплатно». Казалось, скоро начнется какой-то правительственный прием, а не лечение. Мы попали в пространство, разделенное на небольшие секции, каждая из которых завешана портьерой. В одну из них меня завели. Увидел две висящие плазмы, удобную кушетку. Рядом кресла, дверь в туалет. Все напичкано огромным количеством медтехники. Человек в медицинском костюме посадил меня на кушетку, выдал плед. И попрощался — его функции закончились. После чего появилась медсестра, объявившая, что мне очень повезло, потому что она говорит по-русски. Открыв историю болезни, спросила:

— Райхельгауз Иосиф Леонидович? Русский?

Признался, что русский.

Дальше она стала подключать приборы, навешивать пузырьки с лекарствами. При этом подробнейшим образом комментировала все свои действия, рассказывая о назначении каждой бутылочки, трубочки, иголочки, о том, как это работает. Еще описывала, какие ощущения я должен испытывать в тот или иной момент: будет больно, будет не больно, потом захочется спать, потом наступит бодрость. Казалось, при-

С сестрой Олей

сутствую на лекции в медицинской академии. Конечно, мало что понимал, еще меньше запоминал. А она все время спрашивала:

— Здесь понятно?

И поясняла:

— Это продлится двадцать пять минут, это пятнадцать. Затем мы вас промоем и начнем капать. Не волнуйтесь — все рассчитано на шесть часов двадцать минут. Если проголодаетесь, принесут еду. К вам могут приходить посетители.

Под конец она в очередной раз спросила:

— Все поняли?

— Все.

— Есть замечания или предложения?

— Конечно, нет, это же доктор прописал!

— Но организм — ваш! Если нет возражений, распишитесь.

И я расписался на десятках листов. Что понимаю, как меня будут лечить. Что отвечаю за любой исход лечения. Расписался, не читая — ивритом не владею. Так что, возможно, попутно еще с кем-то расписался и теперь женат.

Медсестра собрала подписанные бумаги в папку, напоминающую судебное дело. И сказала:

— Сделаем анализ крови.

Вошел другой медик в другой униформе. Мощный дядька, который по-русски не говорил. Он принес разные приборы, иголочки, шприцы — разумеется, все одноразовое. Сделал анализ быстро и не больно. Мало того, тут же запустил мою кровь в аппарат и мгновенно получил результаты, которые его явно удовлетворили. Сказал: «Ок». Вернулась медсестра, в очередной раз померила давление, температуру и начала процедуры.

Первая процедура должна была длиться час десять минут. Я включил ТВ на русском языке и чуть задремал. Но тут вошла молодая медсестра, опять принесла какие-то бумаги, стала что-то с чем-то сравнивать, смотреть на приборы. Она тоже сказала: «Ок. Ка-ра-шо». И ушла. Я снова задремал. Но не тут-то было! Появился молодой человек и снова принялся что-то с чем-то сверять... Так продолжалось все время. Такова система, она работает непрерывно. Более того, в нее ухитряются вовлечь и родственников, оказавшихся «под рукой». Врачи начинают сразу с посетителями общаться, задавать вопросы, давать рекомендации.

Пришел мой двоюродный брат с женой, которую тут же куда-то повели. Вернулась она с целой горой инструкций к моим лекарствам. И принялась все это читать, переводя с иврита. Постепенно я понял, что по их протоколу больной и его окружение должны очень хорошо понимать абсолютно все, что касается лечения. И соглашаться с этим сознательно, принимая ответственность на себя. Пока лечили, мне пришлось подписать огромное количество документов, где соглашался со всем, что со мной делали.

Длилось это полгода.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ОПЕРАЦИЯ

Операций сложных у меня никогда не было. Даже в «Кремлевке» удалили сущую мелочь. На этот раз предстояло нечто серьезное. Надо было как-то подготовить маму. Мы с сестрой боялись ее волновать и не знали, как к этой теме подступиться. Мама — ей шел 92-й год — каждый день гуляла, плавала в бассейне, читала книжки, — жила нормальной жизнью. Однажды утром — я был тогда в Санкт-Петербурге и репетировал спектакль в театре «Балтийский дом», — она вдруг сказала помощнице: «Дай мне альбомы, где дети и внуки». Поцеловала фотографию папы, мою, Олину, внуков, закрыла альбом, легла, положила руку под голову и...умерла.

Курсируя между Москвой, Петербургом и Тель-Авивом, регулярно встречался с доктором Франклином Грайфом, который, как потом узнал, — один из крупнейших в мире хирургов. Хотя всегда казалось, что приходит ко мне не врач, а родственник, настолько заинтересованно он занимался моим заболеванием. Я принимал это за человеческий интерес и все время звал его в гости в Москву. За время общения действительно стал воспринимать Франклина как близкого друга. И потому после двух месяцев знакомства он буквально ошеломил вопросом «А кем ты работаешь?». Только в этот момент стало понятно: до сих Грайф общался не со мной, а с моими кишками и печенью.

Когда приблизилось время операции, он попросил, чтобы кто-то из близких вместе со мной выслушал рассказ о том, что нам предстоит. В этот раз самым близким оказался Леша. Снова создалось впечатление, что мы на медицинском симпозиуме. Доктор Грайф развернул огромный экран и стал наглядно исследовать мои внутренние органы.

— Вот здесь я сделаю надрез, потом пойду сюда, потом разрежу здесь, закреплю тампон, здесь зашью, потом удалю вот эту ткань, и если получится — пройду влево, а не получится — подрежу в этом месте, тут приподниму, там опущу...

Я воспринимал лекцию с интересом, никак не соотнося ее с собственным организмом. Часто доктор повторял: очень повезло, что метастаз в печени — она восстанавливается.

Это, кстати, многие мне радостно сообщали, желая приободрить. Даже Анатолий Борисович Чубайс прислал эсэмэску: не волнуйтесь — печень восстанавливается!

А потом доктор Грайф сказал:

— По опыту подобных операций — 90 процентов, что вы останетесь живы.

— А 10 процентов?

— 10 процентов — что организм не выдержит и вы не выживите. Вы должны знать, что есть эти 10 процентов.

И я снова подписал бумаги о согласии на операцию и понимании того, что есть 10 процентов.

Назначили время — послезавтра утром.

Накануне мы пошли к морю. В голове крутились лирические мысли, что жизнь сложилась прекрасно. И даже если она остановится — ничего страшного.

За прожитые годы я испытал полярные чувства — от жуткого страха, когда оказался под толщей байкальского льда, до блаженной эйфории картины звездного неба в китайской пустыне Такламакан.

Франклин Грайф

Судьба подарила счастье страстной, восторженной, неуправляемой любви и ужас, отчаяние, безысходность от предательства той, которую любил.

Я получал высокие награды и признание результатов своей работы и тупую ненависть недругов.

И еще посчастливилось бывать в разных городах, работать в знаменитых театрах, встречаться с интереснейшими людьми, читать лекции в престижных университетах мира.

А мои замечательные родители, дети, коллеги, ученики...

Многим людям хватило бы такой биографии на несколько жизней. Стал считать страны, в которых побывал, — на восьмом десятке остановился.

Не было никакого страха. Казалось, что все сегодняшнее происходит не со мной.

Вечером приехал в больницу со своей сестрой Олей и дочкой Сашей, сменившими Алексея на посту смотрителей и хранителей моего здоровья.

Палата в «АССУТА» — хороший гостиничный номер. С душем, туалетом, холодильником, телевизорами. Широкие, огромные окна, сквозь которые видны зеленые луга, нетипичная для Израиля речушка, проходящий поезд, велосипедисты. Сказочный, умиротворяющий, эпичный, спокойный мир. Это вдохновляло. Переоделся в выданный больничный костюм — хлопковую пижаму, удобную и приятную.

Как-то прошла ночь. Утром появился очередной санитар, переложил меня на каталку, сообщив, что на ней я поеду на операцию. И ушел. После чего возникли два человека в деловых костюмах, галстуках — то ли адвокаты, то ли менеджеры страховой компании, очень серьезные. Они привели русскоязычную медсестру. Стали задавать вопросы — медсестра переводила. Я опять подписал кучу бумаг, в которых признавал, что согласен на все и при этом понимаю, чем это может закончиться.

Пришел новый медбрат, сделал какой-то укол. И дальше началось то, чего я не проходил ни разу в жизни и что можно описать снаружи, а можно изнутри. О том, как было «снаружи», мне рассказали сестра, дочь, врачи. Операция, затем восемь дней искусственной комы. Медленное возвращение в реальность. Бесконечные звонки от знакомых, коллег, друзей, на которые смотрители и хранители отвечали: он без сознания два дня, три дня... семь дней... И те, кто это слышал, плакали и прощались. А внутри — в моей собственной реальности — разыгрывались совершенно иные сюжеты...

ГЛАВА ПЯТАЯ. БРЕД

...Я шел по московскому аэропорту на самолет, который должен лететь в Тель-Авив на операцию. Паспортный контроль, таможенный контроль. Потом случайно свернул в какой-то проем — не туда, куда пошли все. В этот момент на меня с нескольких сторон напали. Сразу сообразил, что напали специальные люди, бандиты, торгующие человеческими органами. Они меня крепко связали, закрыли лицо. Придя в себя, я понял, что нахожусь на операционном столе, и это смерть. Почувствовал тупую боль и очень отчетливо увидел этих людей, их лица. Снова потерял сознание.

Очнулся почему-то в Иркутске. Директор Иркутского театра меня пригласил на важную встречу. Мы сидели в роскошном ресторане с видом на уникальное

место, где Ангара вытекает из Байкала. Директор сказал, что не мог не пригласить местного председателя СТД. Председатель — артист, очень несимпатичный. Еще он сообщил, что должны прилететь Гафт, а также Чубайс с Дуней Смирновой. И я понял, кто главные гости ужина. За столом оказалась моя сестра Оля и еще моя мама, живая и веселая. Мне больно, мне плохо. Лежу в соседней комнате, но вижу и слышу все, что происходит за столом. Мама в красивом платье, смеется, а Оле все не нравится, и зачем-то шутит она по-французски — пошло, бездарно, — что меня сильно злит.

Все ждут Чубайса. И перешептываются: поставили на стол коньяк, виски, лучшую водку, а этот капризный Чубайс сказал, что пока не принесут пива, он, видите ли, не придет! Играет музыка, Оля продолжает ужасно шутить. Пришел Чубайс, выпил пива и ушел. И все снова стали его обсуждать, потому что он пива глотнул и не допил, а они его с трудом достали.

Ко мне заходит дочь Саша. И я говорю ей: подойди к Анатолию Борисовичу и извинись — скажи, что я скоро вернусь к столу. И останови Олю с этими глупыми шутками по-французски. И еще успокой бабушку — она все время повторяет: почему Йосенька не приходит?..

Я еду вместе с Машей и Сашей на машине где-то по Европе — Швейцария, скорее всего. Виноградники, Женевское озеро. Эйфория... Но все время какой-то автомобиль нас подрезает. И мы попадаем в аварию. Я узнаю Дениса Вороненкова, мужа Марии Максаковой. И сама Максакова что-то мне пытается объяснить. Подходят люди, которые говорят: «Мы из Одессы! Сейчас принесем еду. И заставим Максакову и Вороненкова, устроивших аварию, выплатить компенсацию». Для подтверждения серьезности своих намерений они называют свой одесский адрес: бульвар Черняховского, 15...

Подмосковье. Забор из ракушечника. Маленький провинциальный театр. На сцене моя Саша играет большую роль, а режиссер говорит — смотрите, какая она талантливая. А я не понимаю, как же Школа драматического искусства, где она должна быть на работе? И Саша объясняет, что давно уже играет в этом театре. Появляется группа музыкантов, с ними наш балетмейстер Света Кузянина и Женя Гришковец. Музыканты очень хорошо играют. А Гришковец в стиле своих моноспектаклей рассказывает о них, о том, как несправедливо с ними обходятся в России, а вот в Америке они были бы миллионерами. И Кузянина предлагает — давайте купим у них какую-то музыкальную фразу!

Гришковец соглашается: «Отличная идея, я буду все спектакли оформлять этой фразой». И Женя отсчитывает им огромные деньги. Опять все идут за едой, как и те одесситы, которые помогали мне во время аварии. Покупают колбасу, что-то еще. Но есть не дают. Ощущаю голод и сильную жажду. Кто-то пьет холодное вишневое пиво... А музыка звучит, и Гришковец снова восклицает: «Вы понимаете, какая это великая музыка?»

Эти видения предельно реалистичны. И самое неприятное, что почти во всех сюжетах присутствовали не только реальные, хорошо известные мне люди, но и какие-то морды, рыла, похожие на брейгелевских персонажей. Когда на девятый день я стал приходить в себя и уже видел реальную Сашу, Олю, врачей, морды и рыла не исчезли. Они еще долгое время не отпускали меня, проникнув в реальность из бреда. На одиннадцатый день я осознал, что лежу в палате.

Саша спросила:

— Папа, кто я?

Мучительно задумался и сказал:

— Саша.

В первый раз ее узнал.

— А у тебя есть еще дети?

— Не помню.

Она стала задавать вопросы, но я не мог на них ответить.

— Ты хочешь чего-нибудь?

И тут я заявил:

— Пива. Холодного.

— Папа, ты бредишь? Ты понимаешь, где ты?

— Понимаю. Хочу холодного пива.

Саша привела русскоязычного медбрата, повторила при нем вопрос. Я повторил ответ. И услышал:

— В чем проблема? Спустись на первый этаж и купи папе холодное пиво. Если он хочет, пусть выпьет.

Я снова вырубился, но очнулся все с тем же желанием выпить холодного пива. Вообще-то пиво не мой напиток — я его пью крайне редко. Но тут желание было вполне определенным — как у Чубайса из моих галлюцинаций.

— Не принесла пиво?

— Принесла.

Я отпил несколько глотков. Потом Саша рассказывала, что медбрат спросил ее:

— Что, папа крепко выпивает?

— Да нет...

— Да ладно, выпивает, конечно... Первое, что попросил после многодневной комы, — пива...

Так я приобрел в больнице репутацию алкоголика.

И еще я твердо знал: нахожусь в Подмосковье. И операцию мне сделали бандиты, которые вырезали жизненно важные органы. Более того, подозревал в причастности к этому преступлению свою сестру Олю — не зря ведь она шутила по-французски.

Спрашиваю медбрата Яшу:

— Кто делал операцию?

— Доктор Грайф.

— Не верю! Давайте заключим пари!

— Давайте. Своей Саше поверите?

— Саше поверю.

Яша приводит мою дочь.

Яша:

— Ну что, Йосиф, заключаем пари?

Я:

— Да. Саша, скажи честно, кто делал операцию?

Саша:

— Доктор Грайф, папа. Ты мне веришь?

Я:

— Да… Бандиты. Бандиты. Делали операцию.

Яша:

— Они, может, и бандиты, но зовут их доктор Грайф и доктор Моерер! Так что я выиграл!

А я тем не менее ясно видел эту странную бандитскую больницу с огромным количеством переходов, лестниц, висячих садов, водоемов. Мелькали знакомые лица. Вот узнал Илью Моерера и его ассистентку Алену.

С дочерью Сашей

Удивился и спросил:

— Что вы здесь делаете, как сюда попали?

Он ответил вопросом на вопрос:

— А где вы находитесь?

— В больнице.

— Так значит, все нормально?

— Что же тут нормального? Почему вы здесь? В Россию прилетели?

— Мы в Тель-Авиве.

— Хватит врать. Кто делал операцию?

— Доктор Грайф.

— Вы обманываете. Не верю!

— Давайте позовем медсестру. Она подтвердит, что мы в Израиле!

— Ах, вы тоже с ними? Так и думал, что вы с этими бандитами заодно!

Я кричал, что мы всех посадим! Требовал, чтобы Оля позвонила какому-то министру. Это продолжалось еще несколько дней после выхода из комы. Окончательно я пришел в себя только через две недели после операции.

Но оказалось, что больничные приключения мои отнюдь не закончились.

Шов никак не заживал. Боль не проходила, но казалось, что так должно быть. Израильская медицина настаивает на скорейшем выходе пациента из состояния неподвижности. Поэтому как только я выбрался из комы, мне было велено гулять — сначала на ходунках по коридору, потом на коляске вокруг больницы и, наконец, своими ногами. Буквально накануне отлета в Москву пошел в кафе, выпил пива, съел мороженое. Почувствовал, что боль усилилась, вскоре став нестерпимой, несмотря на обезболивание. Еле дотащился до палаты. Было около одиннадцати вечера. Решил все-таки пожаловаться медсестре.

Она осмотрела шов и побледнела:

— Только не пугайтесь. Но у вас кишки наружу.

Я ей как-то сразу поверил, хотя, к счастью, сам увидеть свои кишки не мог из-за фиксирующей перевязки, лишавшей мое тело подвижности.

В ожидании Грайфа, который по ее звонку тут же выехал в больницу, медсестра стала поливать живот физраствором, объяснив (они ведь все свои действия объясняют), что «нужно лить все время, иначе кишки высохнут».

Зашли люди в официальных костюмах — я уже как опытный пациент знал: принесли на подпись бумаги — согласие на наркоз и операцию. Появился Грайф, веселый и игривый:

— Печеночка ваша по мне соскучилась — вот мы сейчас с ней встретимся.

На этот раз я увидел операционную, которую во время прошлой операции разглядеть не успел. Космический корабль: аппаратура, сенсоры, камеры, мониторы, шланги, особенный свет, на врачах скафандры и шлемы со стеклянным забралом и жуткий холод. Много людей. Атмосфера запуска спутника. За пределами операционной, кстати, установлено табло мониторинга. Таким образом, родственники могут следить за всеми этапами операции в режиме онлайн. Меня положили на стол — металлическая доска шириной сантиметров пятьдесят, с которой я свешивался всеми сторонами тела. На уровне рук перекладина. Распяли, зафиксировав кисти ремнями. Спасибо, что не гвоздями. Последнее, что помню:

— Что чувствуете?

— Очень холодно.

— Сейчас согреем.

Открыл глаза на следующий день в реанимации.

На этот раз все прошло без осложнений, без комы, без брейгелевских морд, без Иркутского СТД, без Максаковой и даже без пива.

Когда уже после второй операции снова стал выходить на улицу, кто-то вдруг сказал: вот профессор Моше Инбар. Тот самый, к которому я приехал полгода назад и с которым так и не встретился. И я увидел со спины курившего человека. Потом он прошел мимо, не взглянув в мою сторону.

И все-таки за день до возвращения в Москву наша встреча состоялась. Доктор Моше Инбар принял меня не в «АССУТА», а... Впрочем, об этом с самого начала.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ИНБАР

Еще в Москве со слов Андрея Мещерякова стало известно, что в мировой онкологии самый гений из гениев — это Инбар. Мещеряков с восторгом рассказывал, какой он сделал в Америке доклад, перевернувший всю медицину. И как в Испании участвовал в конференции, всех поразив. И еще много всяких чудес про этого великого доктора. Поэтому когда от Моерера услышал, что меня будет лечить Инбар, уверовал, что попадаю прямо к Богу. Естественно, все эти его ученицы слегка разочаровали. Та, которая в конце концов стала моим лечащим врачом, вела прием в кабинете, наполненном хохломой, какими-то блестящими штучками, репродукциями с «красивыми видами», и казалась еврейской провинциальной дамой, мало интересующейся больным. А Инбар так и остался для меня великим и недоступным, как Волшебник страны Оз.

И вдруг сообщают: Инбар готов вас принять.

Русскоязычный менеджер повез меня в клинику Инбара — в самый центр Тель-Авива. Подъехали к огромному зданию — не зданию, целому кварталу: ультрамодная современная архитектура, стекло, металл, вертолетная площадка.

Вошли в холл — «АССУТА» померкла, превратившись в скромную районную больницу. Невиданный лифт — целая комната с зеркалами, светильниками, а также лифтером в униформе. Поднявшись на пятый этаж, оказались в зимнем саду: ковры, пальмы, экзотические растения, фонтаны.

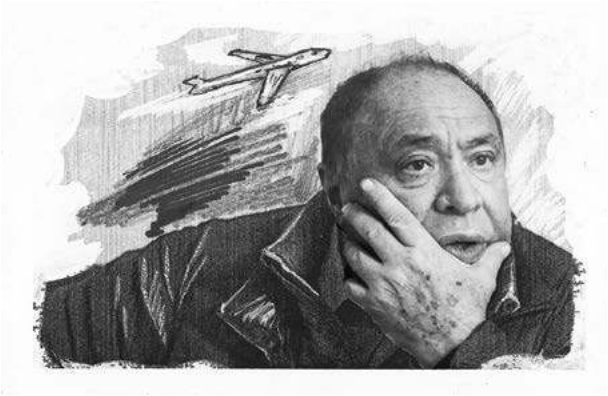
Менеджер усадил меня в кресло.

— Сейчас вы будете разговаривать с врачом.

— С Инбаром?

— Нет-нет! Не с Инбаром!

Пришел молодой симпатичный парень, говоривший по-русски. Я увидел у него в руках огромную папку с историей болезни. Доктор стал листать папку, из каждых десяти листов отбирая один. На моих глазах толстенное «Дело» превратилось в тоненькую брошюру. Иногда он спрашивал, проходил ли я ту или иную процедуру. Это длилось минут сорок. После чего сказал:



— Идемте.

— К Инбару?

— Пока нет.

Он завел меня в кабинет — шикарный, стерильно-чистый. Там нас встретила женщина, которая стала листать секвестированную папку. И опять периодически задавала вопросы. Но не мне (она по-русски не говорила), а молодому человеку. Тот переводил, я отвечал. Изучив документы, врач торжественно объявила:

— Вас примет доктор Инбар.

Я оглянулся в ожидании, что великий Инбар сейчас войдет. Но нет. Снова сели в лифт и спустились. Погрузились в ту же машину.

Ехали недолго — два-три квартала. Выйдя из машины, попали в типичный тель-авивский дворик, где всегда много кошек, мусор, какие-то запахи, огромное количество почтовых ящиков, из которых вываливаются рекламные флаеры, заросли травы. Войдя в парадное, возле весьма скромной двери обнаружили табличку на иврите и латинице:

«Профессор Моше Инбар».

За дверью оказалась крохотная полупустая комнатка. Сопровождающий доктор сказал, что мы должны подождать. Сидели минут двадцать в полной тишине. Неожиданно открылась дверца, вышла женщина.

— Господин Райхельгауз? Доктор Инбар скоро вас примет.

Мы сидели еще минут пятнадцать — теперь уже втроем. Раздался звонок. Женщина встала, обошла стол, подошла к двери, открыла ее и объявила:

— Профессор Моше Инбар.

Мы зашли. Моше Инбар сидел за столом в крохотном, скромном кабинете. И смотрел на меня. Мы молчали. Через несколько минут он спросил на иврите:

— Зачем пришли?

— Вы мой лечащий врач и... — Я, разумеется, говорил по-русски, сопровождающий переводил.

— Вас вели мои ученики по протоколу. Все правильно и нормально. Я ничего нового не скажу.

Стало ясно, что надо уходить, и уже в какой-то растерянности я пробормотал:

— Очень хотел вас увидеть.

— Зачем?

— Много о вас слышал как о всемирно известном враче...

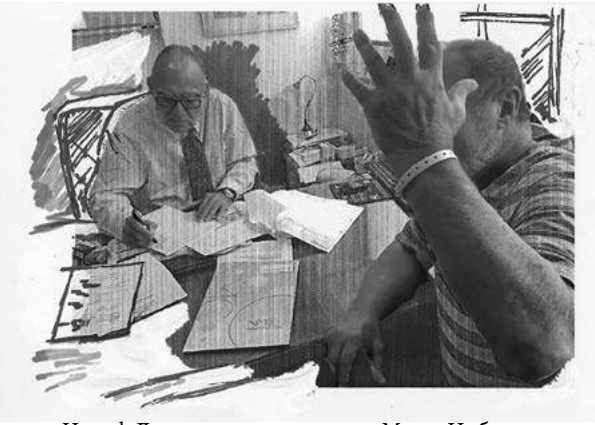
— От кого?

— От Андрея Мещерякова.

И тут его как будто подменили!

— Вы из Москвы? Андрей — выдающийся врач. Это ваш товарищ?

— Да.



Иосиф Леонидович с доктором Моше Инбаром

— Пришли, чтобы со мной познакомиться?

Он стал листать историю болезни. Потом сказал:

— Я вас посмотрю.

Через крошечную дверь мы прошли в еще более крошечную смотровую с маленькой кушеткой. Он начал осмотр. И стало понятно: это действительно гений. Гения сразу видно, кем бы он ни был: великим писателем, артистом, ученым. Он осматривал, пальпировал, слушал. Причем фиксировался на тех частях моего тела, которые не имеют прямого отношения к оперированным органам. Мы вернулись в кабинет. И тут возникло ощущение, что у него полно времени. Он дал рекомендации по дальнейшему курсу лечения, и мы стали разговаривать как родственники, которые давно не виделись. Говорили о жизни, я рассказывал, чем занимаюсь. Потом предложил сфотографироваться. Доктор Инбар, казалось, был счастлив.

Потом он быстро напечатал свое заключение и отдал мне.

— Что с этим делать?

— Ничего, покажи профессору Мещерякову.

И написал прямо на заключении: «Приветствую русского коллегу Мещерякова».

Потом уже я узнал, что принимал он меня в своем частном кабинете, который лет тридцать назад открыл в маленькой квартирке старого жилого дома. Это была приватная встреча. В клинике он бы работал по страховке или за деньги — по протоколу. Здесь — по дружбе. Потому что в израильской клинике «по дружбе» — категорически недопустимо.

Кстати, жена моего двоюродного брата Ирина — та самая, которая читала аннотации к лекарствам, — врач лаборатории медицинских анализов. В свое время в Израиле с ней произошла ужасная неприятность: она у себя на работе сделала анализы для своего папы. Был страшный скандал. Иру чуть не уволили, сильно понизили в должности и зарплате. Таковы правила.

От доктора Инбара я ушел вдохновленный, убедившись, что его ученицы все делают правильно. И совершенно неважно, какими способностями и чертами характера они лично обладают. Лечат по протоколу. Налажена система, которая не нуждается в ручном управлении.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ...ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ

Сестра моя — жизнь. Моя сестра Оля — человек уникальный, абсолютно адекватный амплитуде жизни. Для нее подъем и падение — данности, с которыми нужно жить. Более того, падение — не что иное, как низкий старт для взлета. Был этап, когда Оля потеряла все: деньги, квартиру, работу. Тогда, помогая кому-то устроить междугороднюю перевозку, она стала руководителем крупнейшей международной логистической фирмы. Однажды, когда Оля в очередной раз поменяла свою жизнь, она устроилась работать воспитательницей в детский сад. Через несколько месяцев ей предложили должность директора. Вот и моя болезнь стала для сестры не катастрофой, а программой действий. Она оставила дом, хозяйство, семью, мужа, животных и не отходила от меня с первого до последнего дня лечения. Приезжали и уезжали дети, появлялись родственники, приходили и помогали друзья. Оля была рядом всегда, занимаясь мной ежесекундно. Никакие слова благодарности не смогут выразить отношение к сестре: она была частью меня. И это не закончилось. Сестра моя — жизнь.

Саша. Свою младшую дочь Сашу я очень люблю. Саша — во многом непредсказуемый и необъяснимый человек. Может обидеться на что-то, не стоящее внимания, а может быть счастлива от малозначительных

комплиментов в адрес своего поста в «Фейсбуке» или испеченной шарлотки. Поэтому наши отношения — неровные. Как только Саша узнала о предстоящей операции и ее неопределенном исходе, она остановила все свои занятия, работу, обязательства и прилетела в Израиль. Пока лечение не вошло в относительно понятное русло и Саша не убедилась, что моей жизни уже ничто не угрожает, она оставалась рядом. Как ни странно, болезнь привела наши отношения к новому качеству: мы стали гораздо ближе. И пожалуй, стали лучше друг друга понимать.

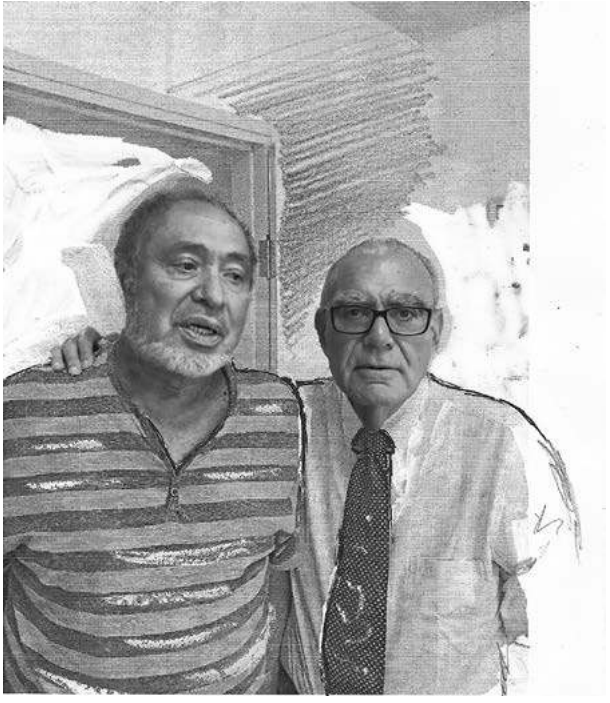
Доктор Илья Моерер. Доктор Моерер был моим координатором. Мы встретились в первый раз совершенно формально. Состоялся деловой разговор, обсуждали, что сколько стоит. Доктор Моерер предложил подумать о получении израильского гражданства, что позволило бы оформить страховку. Он старался оптимизировать мои расходы. Я решил остаться гражданином России, а в Израиль приезжать лечиться и работать. Вскоре формальные отношения переродились в абсолютно неформальные. Он рассказывал о своей жизни в СССР, в Саратове, о том, как заработал первые деньги в четырнадцать лет, как лечил детей. Мы обсуждали собственных детей и их проблемы. И через короткое время уже я стал его успокаивать и давать советы.

Илья приносил еду из дома, хотя в больнице прекрасно кормили. Тем не менее его жена передавала какие-то специальные шабатные блюда. Сам он готовил наш русский борщ. Мечтательно говорил о картошечке с селедочкой и винегрете. И я ел то, что он приносил, потому что на больничную еду аппетита не было. В результате мы подружились. Последнюю операцию и Моерер, и Грайф сделали без гонорара. Когда я вернулся в Москву, общение продолжилось. Недавно Илья прилетал ко мне в гости — и мы выпивали и закусывали.

Марк Капитанский. Продюсер, который много раз возил «Школу современной пьесы» на гастроли. Мы общались только по делу. И вдруг он приехал в больницу, и я почувствовал, что это мой ближайший родственник. Не проходило дня, чтобы он не приезжал и не привозил вкусную и правильную еду. Соки, фрукты, овощи — в жизни столько полезного не употреблял. После операции и выхода из комы к любой еде возникало отвращение. И тогда Марк сказал: завтра привезу тебе лучшее еврейское лекарство. И привез горячий бульон, который я выпил залпом. Там было около тридцати видов трав и корешков. Аппетит вернулся.

И вот теперь я вышел из больницы, возвратился в Москву, и мы опять почти не общаемся. Что неправильно.

Семен Злотников. Драматург, писатель, мой давний друг, чьи пьесы много раз я ставил первым. «Пришел мужчина к женщине» — главный спектакль нашего театра. Практически все тридцать лет «Школы современной пьесы» в репертуаре его замечательные произведения — «Уходил старик от старухи», «Прекрасное лекарство от тоски», «Все будет хорошо, как вы хотели». С ним мы в последние пару лет из-за совершеннейшей ерунды поссорились. Перестали разговаривать. Когда Семен узнал, что я болен, тут же приехал. И я был счастлив. Злотников привез какие-то снаряды для разработки рук, книги, которые мне следовало прочесть. И менял их, как в библиотеке. Мы снова друзья.



С доктором Моше Инбаром

Саша Лисянский. Художник, с которым двадцать лет назад мы сочиняли спектакли и фильмы в Москве, Липецке, Тель-Авиве. Он приезжал в больницу практически каждый день. А если не приезжал, то звонил и извинялся, что не может приехать, потому что занят на работе. И все равно ухитрялся при всей занятости меня навещать.

Толя Исаенко. Друг юности. Человек парадоксальный, обидчивый, эгоцентричный. Но друг! Иногда мы видимся ежедневно в течение полугода, а иногда полгода не видимся. Узнав о моей болезни, не раздумывая прилетел в Тель-Авив и вошел в палату с положенными овощами, фруктами, соками.

Родственники. Двоюродная сестра Альбина прилетела из Канады, чтобы меня поддержать. Двоюродный брат Миша и его жена Ирина, о которых я уже рассказывал. Брат Саша, его жена Алла, Леночка, ее муж Адик, моя родная тетя Браха, которая в прошлой жиз-

ни в Одесской области, будучи директором и секретарем парткома сельской школы, носила имя Бронислава. Двоюродные племянники, троюродные внуки и много других близких и родных...

Был совершенно ошеломлен, когда увидел на пороге палаты замечательного критика, журналиста, подругу Марину Райкину. Я не поверил глазам — решил, что опять галлюцинации. Но это действительно была она: приехала в Тель-Авив, нашла больницу и вернула меня в мир бурлящих московских новостей театра, политики, жизни... Естественно, вместе с фруктами и соком.

Особо хочу сказать о моем друге, которому я без преувеличения обязан жизнью. *Об Анатолии Борисовиче Чубайсе.*

Представляю, какое раздражение, негодование, злобу вызовут эти строки, поскольку уже не одно десятилетие во многих своих бедах наше большинство винит именно Чубайса. Знаю его с юности. Искренне убежден, что реальные качества Анатолия Борисовича прямо противоположны представлению, которое сложилось у людей. Не знаю более честного, более высоконравственного, более обязательного человека. Не знаю более объемного человека, который, помимо своей основной работы, где он на мировом уровне признан выдающимся профессионалом, читает, смотрит, видит больше, чем мои коллеги. Он широко цитирует русскую поэзию, особенно советскую 60-х годов — Окуджаву, Высоцкого, Давида Самойлова. К нему можно обращаться как к энциклопедии. Когда-то мы долго говорили о драматургии Чехова. После чего он своим приятелям бизнесменам прочитал на эту тему лекцию — мотивированно, углубленно, доказательно.

«Приятелей» Чубайса следует назвать поименно, поскольку это и мои друзья, а правильней — спасители. Андрей Раппопорт, Борис Минц, Леонид Богуславский, Александр Несис, Борис Вайнзихер, Михаил Спектор. Много лет они помогают жить «Школе современной пьесы», а когда возникла угроза моей жизни, мгновенно отозвались на призыв Анны Гроголь о помощи.

Я не религиозен, поэтому не буду ставить в храме свечки или оставлять записки в Стене Плача. Но до конца своих дней буду помнить, что одну жизнь мне подарили мама с папой, а вторую — друзья.

ЭПИЛОГ

Все, что я пережил, — чудо, которого никогда раньше со мной не случалось. Вернее, два чуда: сначала — удар, диагноз: четвертая степень онкологии. Мне, здоровому человеку, легко отжимающемуся по сто раз, гоняющему на джипе, квадроцикле, снегоходе, багги, гидроцикле и, что главное, не испытывающему никаких проблем с самочувствием, объявляют смертный приговор.

Второе чудо — когда доктор Франклин Грайф, сделав третью операцию и удалив основную опухоль, объявил, что у меня не осталось онкологических клеток. Вы-ле-чи-ли!!! И я через год должен пройти профилактический осмотр.

Между этими событиями прошло всего полгода.

До сих пор не могу осознать случившегося. До сих пор кажется, что все это произошло не со мной.

И конечно, хочется понять: почему? Как это случилось? Должна же быть причина? Я отлично знаю, что над этим вопросом десятилетия бьются ученые и не могут достоверно установить природу онкологических заболеваний. Но уверен: это может быть связано с психологическими состояниями. Многих людей, не расположенных к болезни — здоровых, тренированных, крепких, — онкология настигает при сильном эмоциональном потрясении. Организм перестает заниматься собой, он отвлекается на стресс. Наблюдал это у многих. Похоже, случилось такое и со мной.